

ПИСЬМА О. Ф. МИЛЛЕРА И. С. АКСАКОВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Среди тех, кто определял духовно-нравственную физиономию славянофильства, особенно симпатическими чертами выделялся Орест Фёдорович Миллер (1833–1888). В 1851 г. он поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Одним из его сокурсников был будущий академик В. И. Ламанский, также прославившийся на поприще апологии славянофильских идей. В 1858 г. Миллер защитил магистерскую диссертацию «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных», в которой он сформулировал основные принципы своих дальнейших научных исследований в области славяноведения. С ноября 1863 г. Орест Фёдорович в должности приват-доцента приступил к чтению курса лекций «Об изучении народной словесности, его историческом ходе и современных задачах» в Петербургском университете. В 1870 г. была опубликована объёмная докторская диссертация «Илья Муромец и богатырство киевское». Активное участие Миллер принимал и в работе Славянского благотворительного комитета, где познакомился с Ф. М. Достоевским. Русский писатель видел в Миллере «труженика во Христе», т. е. «близкого, нравственно и психологически понятного ему человека»¹. В 1887 г. Миллер был уволен из университета по постановлению министров П. С. Ванновского, И. Д. Делянова и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Причиной увольнения послужила лекция по поводу кончины М. Н. Каткова, в которой открыто противопоставлялись славянофильские идеалы тому консервативному направлению государственно-полицейского абсолютизма, которое проповедовал Катков.

Особенность мировоззрения Миллера заключалась в том, что он в отстаивании принципа народности как внутри страны, так и за ее пределами видел всемирно-историческую, даже мессианскую задачу, стоящую перед Россией. Общие интересы связывали Миллера со многими славянофилами, и в первую очередь с таким признанным лидером этого движения, как Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), который на протяжении многих лет возглавлял Московское славянское благотворительное общество. Неслучайно Миллер часто соотносил свои взгляды с точкой зрения Аксакова, печатал в его московских изданиях свои статьи. Аксаков, со своей стороны, высоко ценил научно-публицистическую деятельность Миллера и его верность либеральным принципам славянофильства. В поздравительном

---

¹ *Окишева К.А.* Ф.М. Достоевский и О.Ф. Миллер: история взаимоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 83.

письме, направленном Миллеру в честь 25-летия его педагогической деятельности он, в частности, писал: «Вы не изменили себе ни разу в течении 25 лет вашего служения словом, отличавшегося всегда мужественною искренностью, как в свидетельстве о правде, так и в изобличении неправды; вы никогда не сходили с нравственного пути и неутомимо развивали в ваших учениках требования нравственные, отождествляя их с русскими народными идеалами, с любовью к русской народности»¹.

Общение Миллера с Аксаковым продолжалось с 1863 г. до конца жизни Ивана Сергеевича. Его смерть Миллер воспринял как уход одного из наиболее духовно близких ему (подобно Достоевскому) людей. В последние годы жизни Орест Федорович посвятил Аксакову ряд публикаций. Это некролог, помещённый в журнале «Русская старина» (1886. Кн. 3), а затем перепечатанный в «Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова» (М., 1886), а также несколько статей, опубликованных в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»: «И. С. Аксаков и 19-е февраля» (1886. № 5, 6), «И. С. Аксаков и свобода слова» (1887. № 3) и «Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам» (СПб., 1889). Последняя работа, поводом для написания которой послужила публикация писем Аксакова («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах» М., 1888), была прочитана в качестве доклада в торжественном собрании славянского Общества 14 февраля 1889 г. и издана отдельной брошюрой.

В творчестве Аксакова, поэтическом и публицистическом, Миллер отмечал настойчивое требование освобождения крестьян и утверждение в России бессословного государства. Дворянство, полагал Аксаков, как слово себя изжило, оно «могло бы удовольствоваться теми преимуществами образования, которые до сих пор были ему более доступны, чем всем другим классам общества, и которыми ему предостой воспользоваться для общего блага»². Более того, постоянно выступая против политики русификаторства, Аксаков ратовал за «обрусение» русского образованного слоя (дворянства), т. е. национальной интеллигенции. Обрусение нерусских народов, населяющих Россию, не нужно и даже опасно, поскольку идёт в разрез с принципом народности. Развитие общества – вот лучшее средство противостояния сепаратизму. В тоже время безнациональная интеллигенция, ориентирующаяся на иноземную культуру, представляет реальную опасность для развития России и является, несомненно, показателем болезненного состояния общества. Перед дворянством, как наиболее образованным слоем общества, и всей русской интеллигенцией должна стоять задача выработки самобытной культуры, без которой не возможно здоровое развитие общества и народа. Только самобытная культура может ограничить чрезмерное давление на общество со стороны государства.

В этом пункте Миллер солидаризировался не только с Аксаковым, но и с Достоевским. «Именно невыработанностью *своей* культуры и по взгляду Достоевского, – писал Миллер, – вызвано у нас, наконец, нетерпеливое стремление обзавестись ею сразу, выписать её из-за моря, при ближайшем участии правительственной власти. Таким характером нашей запоздалой

---

¹ Цит. по: Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера с приложением празднования 25-летнего юбилея. Составил И. Ш. [И.А. Шляпкин]. СПб., 1889. С. 32.

² Миллер О.Ф. Иван Сергеевич Аксаков // Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М., 1886. С. 81.

культуры и объясняется то, что мы уже слишком много забот возложили на попечительное правительство»¹. Говоря о самобытной культуре, Миллер включал в неё образование и науку, которые также должны быть обезопасены от чрезмерного вмешательства со стороны государства. Он соглашался с протестом Аксакова, чтобы «новозаведённая у нас наука была отображена в казну»². Идеал бессловного государства, достичь которого можно, по мысли Аксакова, распространением на все сословия дворянских привилегий, воспринимался Миллером в целом как идеал социальный, как та «наша самостоятельность», в которой только и возможно спасение России. «России, – воспроизводил он точку зрения Аксакова, – стране не аристократической и не буржуазной, а земледельческой, можно было бы спастись от всех трудностей “рабочего вопроса” и мирным путём достигнуть осуществления того социального идеала, который не даётся Западной Европе, не смотря ни на какие кровавые революции»³.

Это означало, что никакое решение внешних, мировых задач, стоящих перед Россией, не будет успешным, пока не будет покончено с внутренней неправдой, пока в стране царит социальная несправедливость. «Аксаков постоянно и напоминал нам о неотложных вопросах внутренних, о невозможности их отделять от вопросов внешних, о том, что политическое могущество прочным образом зиждется только на гражданском преуспевании. ...Известно, что он проводил в своём “Дне” идею решительного, раз на всегда, освобождения мысли и слова, освобождения в таких размерах, с такой широтой, каких мы не видим нигде, но которые представлялись ему вполне соответствующими качествам и историческим отношениям к верховной власти русского народа, никогда не стремившегося забрать в свои руки власть, но постоянно глядевшего на неё, как на такое средство для достижения общего блага, которое верно действует только при помощи прямого и откровенного народного голоса. В свободе мысли Аксаков видел не политическую привилегию, а Богом дарованное человеку право»⁴. По словам Миллера, «известно, что в славянофильском учении правда внутреннего становится выше правды внешней»⁵.

В то же время, в Аксакове Миллер особенно ценил следование христианским идеалам, «способность ставить выше всего свою человеческую душу. На каком бы поприще, думал он всегда, ни пришлось служить, надо прежде всего служить той верховной силе, глашатаем которой является совесть, и которая называется Богом!»⁶. В «гуманной, жаждущей свободы душе» Аксакова Миллер видел следы той духовной работы и борьбы, которые лежат в основе православного мировоззрения и поступания. Он даже сопоставлял духовные искания Аксакова, рефлексивно отражённые в его письмах, с исихастской практикой. Так, например, попытку Аксакова подавить в себе тщеславие Миллер сравнивает с характеристикой «этой изво-

---

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 87.

³ Миллер О.Ф. Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам. СПб., 1889. С. 15.

⁴ Миллер О.Ф. И.С. Аксаков и свобода слова // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 3. Март. – С. 150.

⁵ Миллер О.Ф. Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам. – С. 11.

⁶ Там же. С. 34–35.

ротливой страсти у одного из наших духовных писателей XV–XVI ст., преп. Нила Сорского, с которым Аксаков едва ли был тогда знаком»¹.

Понятно, что и в поэтическом творчестве Аксакова Миллер усматривал столь ценимую им «нравственную силу». «Общее и господствующее впечатление его поэзии, – отмечал он, – оставалось закаляющим нравственные силы в горниле терпения и выносливости»².

Главное же требование, без устали провозглашаемое Аксаковым – это требование свободы слова. В свободе слова сходились все основные положения славянофильской программы: укрепление нравственных устоев как жизни, так и творчества; принцип народности; мировое предназначение России. Нравственная сила общественного мнения выступала гарантом самостоятельного развития народа и его культуры, а свобода слова и «полнейшая веротерпимость» – главным оружием России. «При полной свободе слова, – выразил Миллер свое славянофильское исповедание, – могла бы, наконец, выясниться перед целым миром и историческая наша *идея* – то, без чего никогда не может нам достаться окончательная победа. При свободе слова стало бы наконец ясно, как день, что наше историческое призвание – в верном служении народу, *самому* народу, как выразался Аксаков, тому, кто составляет у нас на Руси небывалое нигде большинство, тому, кто и в целом славянском мире решительно должен преобладать на том уже простом основании, что всё, стоящее в этом мире над самим народом, изменило заветам родной истории, в том или другом смысле увлечено чужбиной. И в этом, должно быть, сказался особый исторический просмысл... Ведь нам надобно только, как выразался Аксаков, перестать наконец “*трусить* свободы”. Надо только понять, что от злоупотреблений свободы, сказывающихся от того, что, дорвавшись наконец до неё после долгого гнёта, люди теряют голову, – спасение в той же свободе, в широком просторе для каждого честного убеждения, для открытой борьбы со злом живых общественных сил. История ведь не ждёт, она высылает нам на встречу неотложные, настоятельные задачи, задачи, для которых потребуются люди, живые люди с горячей душой»³. Такой горячей душой обладал и сам Орест Фёдорович Миллер. «Он отзывался на немецкую фамилию, но был неподдельным хорошим русским человеком, сросшимся с землёй и народом, носящим имя Россия и русских»⁴.

Письма Миллера Аксакову публикуются по автографам, хранящимся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН в фонде Аксаковых (ИРЛИ РАН Ф. 3. ОП. 4. № 381).

А. В. Малинов

---

¹ Там же. С. 10, прим.

² Миллер О.Ф. Иван Сергеевич Аксаков. – С. 75

³ Миллер О.Ф. И.С. Аксаков и свобода слова. С. 152

⁴ Человек с открытым сердцем. С. 164.

Ноябрь 24-го 1875 г. СПб.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

И мне было очень прискорбно прочесть письмо Ваше, не потому, что Вы вообще не согласны со мной на счет личности Гоголя, а потому, что Вы не без предубеждения приравнивали мою точку зрения к пыпинской, тогда как они прямо *противоположны*. Я отдал справедливость Пышину¹ в том, что он отнесся к Гоголю *не как панегирист*, и в этом отношении, думаю я, при всем своем «западничестве», оказался русским человеком: панегиризм не нами рожден и составляет, как и многое, только временную прививку к нашим понятиям. Но затем Пыпин, как я и высказал в самом начале, винит во всем русское общество, главным образом пушкинский кружок, якобы извративший недоразвитые понятия Гоголя, я же виню самого Гоголя, его личный характер, и в нем вижу корень ошибочности многих его понятий, которые, впрочем, долго, по моему, *не были у него искренними*. Статья Пыпина составляла только перифраз старой статьи «Современника» о «Записках» Кулиша², гораздо более талантливой (Пыпин безталанлив и недалек), приводившей все к тому, что человек вполне зависит от *среды*. Крайность этой точки зрения всегда мне была и остается противна. Я и теперь тот же, может быть, уколобий (как выразился один *либеральный* критик), но не фельетонный, не казенно-либеральничающий моралист, я и теперь тот же, каким и был в моей книге «О нравственной стихии в поэзии»³. Что же мне делать, если мое может быть узкое нравственное чувство *никогда* не выносило писем Гоголя, если меня всегда коробило от той фальши, которая постоянно в них звучит, от этого обращения с друзьями (и с какими друзьями), как с дойными коровами, от этого выпрашивания себе подачек сверху, при высокомерном разыгрывании роли аскета (я убежден, что Гоголь долго ее только *разыгрывал*), от этого *пародирования религи-*

---

¹ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – историк русской литературы и общественной мысли, публицист, переводчик, этнограф. В 1860–1861 гг. экстраординарный профессор Петербургского университета. Ординарный академик (1898). С Пыпиным Миллер познакомился еще во время учебы в университете.

² Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – малорусский поэт, публицист, переводчик и историк, один из деятелей украинофильского движения. Речь едет о рецензии А. Н. Пыпина «Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. Два тома. СПб., 1856–1857», опубликованной в журнале «Современник» (1857. Т. LXIII. С. 1–24.).

³ Магистерская диссертация Миллера «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» была издана в Петербурге в 1858 г.

озностью (как выразился Иннокентий), от постоянного щеголяния собой – самим своим смирением и всенародностью своего покаяния, – от всех этих качеств, столь несогласных с простотой и незатейливой прямоотой нашего народного характера. Взгляд мой на личность Гоголя (повторяю – на личность, а не на основной смысл его сочинений) сложился задолго до каких-либо пыпинских статей, и я имел уже случай развивать его в лекциях по новому периоду русской литературы в университете и на женских курсах. Выступать с ними печатно я не имел намерения до тех пор, пока бы не дошел в моем «Ист[орическом] обзор[е] Р[усской] Словесности»¹ до новейшего времени (когда то это будет?). Семевский² неожиданно – вдруг мне подсунил новые письма Гоголя, а многие из них возмутили меня не менее прежних. Я не устоял против соблазна высказаться в примечаниях к этим письмам, – и высказался, как всегда высказываюсь, резко и зарывчато, без малейшей мысли о том, кому ужоу и кого рассержу. Между тем размеры журнала заставляли быть сжатым – отсюда – та недосказанность многого в вступительной статье.

Никогда я не мог помириться и с тем, будто гению, *потому что он гений*, позволяется в нравственном отношении более, чем простому смертному. Такая точка зрения для меня столько же возмутительна, сколько и та, по которой нравственность годится лишь для частной жизни, а в политической совсем не уместна. Думаю, что подобная фальшь в понятиях опять-таки противна и простоте нашего народного взгляда на вещи и что русскому народу предстоит наконец вывести ее из употребления и в книге, и в самой жизни.

Я никогда не оспаривал того, что Гоголь «много послужил самознанию общественной скверны», – но разве не изменил он своему великому делу не столько, может быть, в «Выбранных местах»³, сколько в Констанжогла Муразове и Ген. Губернаторе? А изменил потому, что в своей жизни был глубоко сам заражен нашей общественной скверной, чего я-то именно и не склонен *извинять средой*, тем

---

¹ «Опыт исторического обзора русской словесности» (СПб., 1863).

² Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк, общественный деятель, литератор, издатель журнала «Русская старина». Возможно речь идет о Василии Ивановиче Семевском (1848/49–1916) – историке, публицисте, общественном деятеле, в 1882–1886 гг. приват-доценте Петербургского университета.

³ Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» вышла в 1847 г.

более, что он был человек гениальный. Кому много дано, с того много и взыщется. Гоголь и сам это сознавал, но стал высказывать это вполне искренно (без *щеголянья* своею исповедью вслух) только в под самый конец – к сожалению тогда, когда его понятия до того помутились, что он мог узреть идеал – в откупщике!

«Человек оставляет талант, когда он изменит правде», – эти слова Белинского в письме к Гоголю¹ – золотые слова! Признаться, мне всегда больно было встречать предубеждение против Белинского того литературно-политического стана, с которым не столько по предубеждению, сколько по недоразумению ратовал он, но к которому, думаю я, примкнул бы по многим причинам, если бы прожил долее. Это была прямая, способная отказываться от своих ошибок, – и к тому же во многом – чисто русская, высоко даровитая натура. Он, разумеется, не чета Пыпину (человеку, впрочем, совершенно честному, но не хватающему глубоко), которого во многих отношениях детские увлечения Сперанским² и меня заставляли не раз не без презрения улыбнуться. Но если семинарский бюрократизм Сперанского, но если претензии его аристократической конституции (до освобождения крестьян к тому же!) не вызывают и во мне сочувствия, то во сто крат противнее для меня сентиментальный реверанс «Записки о древней России»³, – с подлостью мысли о 50 хороших губернаторах и дворянском мундире на государе в известные дни, как достаточной панацее от всяких зол. Я не в состоянии также извинить никакими софизмами *исторической точки зрения* сентиментальных отношений Карамзина к крепостному праву. Были же до него, еще в 18 в., люди, относившиеся к этому делу совершенно иначе. Кстати, пробежали ли Вы мою статейку в 9 кн. Р[усского] Архива⁴? Она, кажется, ясно показывает, что ходячий либерализм не мое знамя. До сих пор мне навязывал его только «Го-

---

¹ Письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголю было написано 3 июля 1847 г. в ответ на письмо Н. В. Гоголя, возмущенного рецензией В. Г. Белинского на книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

² Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – государственный деятель, в 1819–1821 гг. генерал-губернатор Сибири.

³ «Записка о древней и новой России в ее политическом и культурном отношении» Н.М. Карамзина была составлена для императора Александра I в 1811 г. Долгое время не могла быть напечатана в России. Впервые полностью была опубликована А. Н. Пыпиным только в 1900 г. в приложении к книге «Общественное движение в России при Александре I».

⁴ Миллер О.Ф. Наш крестьянский вопрос в XVIII ст. // Русский архив. 1875. № 9.

лос»¹ (и то ради личных счетов); теперь же приходится мне, слыша те же упреки с другой совсем стороны, с грустью сказать: «et tu quoque, Brute!».

Перейду к моим – не совсем уже юношам, но молодым людям². Я их вовсе не знал, они обратились ко мне. Долго следил я за ними и выставлял им разные задерживающие соображения. Оба тем не менее уже вышли – один из инженерной, другой из военной академии – чтобы спешить выполнить то, что у них решено и подписано. Оба [зачеркнуто «говорят»] поедут, если бы даже и не оказалось у них ничего, кроме собственных скудных средств. Судите, поэтому сами, можно ли им доверять.

Ваш душевно и навсегда преданный.

Ор. Миллер

Наша молодежь, право, лучше, чем о ней думают. Базаровский период прошел, – она способна на самоотвержение.

(л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об.)

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Вернувшись вчера из славянского Комитета³, я получил от одного моего приятеля и короткого знакомого Черняевых письмо, из которого видно, что он на днях застал семью Михаила Григорьевича⁴ в Софии в самом бедственном положении. Дача, где они живут, продана какой-

---

¹ «Голос» – ежедневная газета, издававшаяся в 1863–1884 гг. в Петербурге А. А. Краевским.

² Во время Герцеговинского восстания на Балканах к О.Ф. Миллеру обратились два офицера, Коновалов и Эбергард, с просьбой снарядить их на средства Славянского благотворительного общества в Герцеговину. Миллер, полагая, что Общество не поддержит это предложение, списался с И.С. Аксаковым, который из Москвы снарядил офицеров на Балканы.

³ Славянский благотворительный комитет – общественная организация, созданная в 1858 г. в Москве для помощи зарубежным славянам. После организованной комитетом в 1867 г. Этнографической выставки и славянского съезда по инициативе В. И. Ламанского петербургские члены комитета в 1868 г. организовали Санкт-Петербургский отдел славянского благотворительного комитета, первым председателем которого стал А. Ф. Гильфердинг. В 1877 г. преобразован в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество.

⁴ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал, участник Крымской и Кавказской войн. В 1864–1865 гг. отряд под командованием М. Г. Черняева взял крепости Чимкент и Ташкент, что фактически привело к присоединению к России Туркестанского края, а М. Г. Черняев был назначен военным губернатором Туркестанской области. В 1876 г. командующий одной из сербских армий в войне против Турции. В 1873–1878 гг. редактор газеты «Русский Мир». Близок к славянофилам.

то Арсеньевой, которая потребовала немедленной уплаты за квартиру денег. Мировой судья описал все имущество. Даже в мелочную лавку давно задолжали. Прислуга давно не получает жалованья, но живет по старой привязанности. Надо переехать в город, – не на что, а в скором времени предстоит родить. Я сейчас же написал Ламанскому, Филиппову и Петрову¹. Долгом считаю сообщить эти факты и Вам.

Не пишу ни о чем более, – как то не пишется. Скоро пришлю Вам книгу, в предисловии к которой пришлось, через силу, высказаться под впечатлением Шибки².

Вам всюю душою преданный Ор. Миллер

19 Авг[уста] [18]77 г.

Павловск

Бульварная № 30

(л. 5, 6)

СПб. 30 окт[ября] [18]78

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Пишу Вам под живым впечатлением вчерашнего общего собрания членов Славянского СПб. Общества, покончившего дело о бесконечной тяжбе бывшей комиссии по сбору с ревизионной комиссией. Соб-

---

¹ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – славист, историк и философ славянофильского направления. Профессор Петербургского университета, академик. Один из ближайших друзей Миллера. Филиппов Тертый Иванович (1825–1899) – государственный и общественный деятель, государственный контролер (1889), писатель славянофильского направления, собиратель и исследователь русских народных песен. Петров Иван Иванович (1824–1883) – морской офицер, казначей Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

² Сборник статей О.Ф. Миллера «Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г.» вышел в Петербурге в 1877 г. О.Ф. Миллер, вероятно, имеет в виду следующие строки из предисловия к сборнику: «Как раз в те дни, когда происходила в прошлом году кровопролитная сербская битва под Алексинацем, происходит теперь наше нескончаемое побоище с армией Сулеймана у шибки, и подобно тому, как до перехода нашего через Дунай, истекала кровью Черногория, теперь истекает кровью передовая русская рать, уже не наступающая, а обороняющаяся в Балканах. Но, что особенно горько для русских героев, увлѣкшихся с такой любовью своею освободительною задачею, – всею этою обильною политою своею кровью они не отвратили того повторившегося пролития болгарской крови, которое сопровождалось теперь уже удесятерѣнными ужасами. А с каким злорадством должны на это смотреть на Западе! То, чему следовало бы вызывать сострадание, является только новым, убедительным доводом бесполезности “русских затей”. – “Вы говорите, что объявили войну из-за турецких зверств; – но посмотрите, они только усилились, обострились от вашей войны. Мы предвидели это заранее. Вам ли брать на себя роль спасителей!” Вот что думают, вот что открыто говорят в Европе. Теперь уже более не оказывается надобности в измышлении “русских зверств”» (С. VII–VIII).

рание открылось приятною неожиданностью – отчетом Алабина¹ о деятельности его, как агента наших обществ, в Болгарии. Составленный не только дельно, но и даровито, прочитанный или, лучше сказать, сказанный прекрасно, отчет этот произвел сильное впечатление. Официальное по своему положению лицо оказалось в нем и настоящим народным деятелем. При малых, относительно важных широких задачах, средствах, многому положен при нашем участии почин. Оратор горячо выставил на вид гражданские и военные достоинства Болгар и заключил тем, что в последней деревушке края, освобождаемого Россией, хорошо и очень хорошо знают о наших скромных комитетах. Речь дала благой толчок обществу, так долго сидевшему в трясине подъязыческих дряг. Вслед за тем одним из членов предложено было решить тут же, на основании печатных данных, давно уже сообщенных всем, два вопроса: 1) в порядке ли кассовая отчетность комиссии по сбору и 2) правильна ли была вообще деятельность комиссии. Оба вопроса решены в *положительном* смысле и решены *единогласно* (члены обеих комиссий голоса не подавали). Между тем собрание было *весьма многочисленно* и наличный состав его никак нельзя было назвать *случайным*. Постановив упомянутое решение, члены общества встали и благодарили казначея И. И. Петрова и всю комиссию по сбору – при громких, оглушительных рукоплесканиях. В собрании был стенограф и отчет его должен быть напечатан во всех газетах. Конечно, и он не положит конца сплетням в нашей печати, так глупо устыдившейся своего благородного единокоренного в 1876 г. и лезущей теперь из кожи чтобы загладить его новым единокоренным – в самооплевывании. Но будет же когда-нибудь конец и этому шабашу ведьм – на потеху злорадствующей Европе.

Я забыл сказать, что заседание открылось письмом Мартянова к Бестужеву-Рюмину² – с внушением ему обязанности устраниваться на

---

¹ Алабин Петр Владимирович (1824–1896) – государственный и общественный деятель, писатель и журналист. В 1877 г. уполномоченный Общества Красного Креста в Румынии и заведующий двумя госпиталями в Зимнице, главный агент Московского и Петербургского Славянских обществ, затем губернатор в Софии и Орханийский губернатор. Председатель самарской губернской земской управы и в 1885–1892 гг. городской голова в Самаре.

² Мартянов Петр Кузьмич (1827–1899) – литератор, поэт, военный публицист. Выступал против К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897), в то время председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

этот раз от председательства. Общество, выслушав с негодованием письмо, просило Бестужева сохранить свое не отменяемое право. Вышло, как оно часто выходит – *ques oult perdere de mentat*. Авось оно выйдет так и не с одним Мартьяновым. Вопрос об его поступке выделен из дела о ревизионной комиссии и будет судиться в следующем собрании.

Вот наши свежие домашние новости, которые, конечно, порадуют Вас, дорогой и незаменимый Иван Сергеевич. Прося Вас засвидетельствовать мое почтение Анне Федоровне¹, остаюсь Вам душевно преданный.

Ор. Миллер
(л. 7, 8, 9, 10)

Петербург 25 ноября

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Доставляю Вам вырезку из вчерашних СПб. Вед[омостей] с описанием обеда в честь Васильевича². На днях вышлю Вам оттиски моего, старого впрочем, реферата о былинах и думах из «Трудов Киевского Съезда»³ (оттиски только недавно лишь доставлены) и вновь изданную комитетом брошюру о Боснии. Подробно буду писать после заседания 3 Декабря, когда назначено к слушанию дела Мартьянова. Печать, как и надо было ожидать, не унялась от своих плевков – благо вошли в привычку. Бедный Ив[ан] Иванович далек от успокоения, сколько мы ни уверяли его, что никто в сущности не заподозривал его честности, а все эти клеветы понадобились для потопления *самого дела*.

До будущей беседы, дорогой Иван Сергеевич. Мое глубочайшее почтение Анне Федоровне.

Всею душою Ваш Ор. Миллер.

Алабин уехал в Самару и когда вернется, неизвестно

(л. 11)

---

¹ Аксакова Анна Федоровна (1829–1889) – дочь Ф.И. Тютчева, жена И.С. Аксакова.

² 24 ноября 1878 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована заметка О.Ф. Миллера «Речь сербскому министру Васильевичу».

³ Миллер О.Ф. О русских былинах и малорусских думах // Труды 3-го Археологического съезда в России. Киев, 1878 г. Ч. 2. Съезд состоялся в 1874 г.

Глубокоуважаемый
Иван Сергеевич!

Получив несколько экземпляров протокола 11 Мая, посылаю Вам один с поправками опечаток в моей речи¹ (печатавшейся без меня) и пополнением пропусков, сделанных, очевидно, в трибунале Григорьева Васьки.

Вот уже второй месяц доживаю в деревне. При дожде, уничтожающем плоды крестьянских трудов, тем чаще припоминаются стихи Ф. И. Тютчева²: «эти бедные селенья», но припоминаются без того пропуска второй строфы, который был предложен критиком «Вестника Европы»³ в статье о Некрасове.

Съездил я отсюда на родину богатыря Ильи – в село Карачаево и там, слава Богу, мог насладиться зрелищем крестьянского довольства. Муром своим местоположением отчасти напомнил мне Киев – напомнил между прочим исчезновением памятников старины: на старых местах исторических – подновленные, если не новые здания. А куда подевались знаменитые муромские леса?

Вернуться думаю через Нижний, Ярославль, Ростов. В конце Августа надеюсь опять у Вас быть в белокаменной – прежде, чем окупиться в омут Петербургской интеллигенции.

Мое почтение Анне Федоровне.

Вам душевно преданный

Ор. Миллер.

С. Вышуры

31 Июля 1879 г.

(л. 12, 13)

---

¹ О. Ф. Миллер, вероятно, имеет в виду свою речь «Биографический очерк Мак-Гахана», прочитанную в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе 11 мая 1879 г., которая первоначально была напечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем вошла в сборник «Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве). По протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868–1883 гг.» (СПб., 1883. С. 605–609).

² Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – поэт, дипломат, тесть И.С. Аксакова. По философским и политическим взглядам близок славянофилам. Стихотворение «Эти бедные селенья» было написано 13 августа 1855 г.

³ «Вестник Европы» – ежемесячный литературно-политический журнал либерального направления, издававшийся в Петербурге 1866–1918 гг. До 1908 г. редактором-издателем был М. М. Стасюлевич.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Сколько я не прислушиваюсь к отзывам о Вашей передовой 1 №, замечая какую-то почтительную сдержанность, – и не более в «Молве»¹, разумеется, совсем уж не то, но я ни с кем из нее не знаюсь. Студенты читают «Русь»² нарасхват, а в розничной продаже она доходила до 80 коп[еек]. Особенно восторгаются стихами К. С.³, не понимая отчасти, что в них квинтэссенция того *идеализма*, которого логические выводы по отношению к практике были бы им совсем уж не по нутру. Мне кажется, что *практичнее* было бы с Вашей стороны налечь прямо на *уездное самоуправление*. Ваш обстоятельный приступ *принципиально* заставил многих зажмуриться от того, с чем бы сами они должны были согласиться, став просто на почву *реальную*. «Пусть только подумают», – говорите Вы; – но они *не хотят* подумать, чтобы как-нибудь вдруг не согласиться с Вами в *принципе*. Что касается нашего «общего друга» А. Д.⁴, то он негодует на «Молву», хвалит свой «Голос» за его сдержанность (не приписывая ее своему влиянию); но ничего предельного сам не высказывает.

На одном из предстоящих литературных вечеров хочется мне прочесть Вашего «Бродягу»⁵. Позвольте полюбопытствовать, имеется ли в Вашем рукописном запасе какое-нибудь продолжение?

Достоевский⁶ в начале Декабря выпускает отдельное издание «Карамазовых». Думаю прочесть об них в университете две-три критических лекции. С. А. Юрьев⁷ пишет мне сегодня принципиальное

¹ «Молва» – еженедельная газета славянофильского направления, издавалась в 1857 в Москве К. С. Аксаковым

² «Русь» – газета издававшаяся И. С. Аксаковым в 1880–1886 гг.

³ Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – философ, поэт, историк, лингвист, один из лидеров славянофилов.

⁴ Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – юрист, профессор Петербургского университета, автор работ по философии политики и права.

⁵ «Бродяга» – поэма И. С. Аксакова, над которой он работал в 1846–1850 гг. Послужила поводом к увольнению И. С. Аксакова с государственной службы. Впервые частично опубликована в 1852 г.

⁶ Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель и мыслитель. О. Ф. Миллер был первым биографом Ф. М. Достоевского.

⁷ Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) – литератор, переводчик, публицист, редактор журнала «Русская мысль», председатель Общества любителей российской словесности.

письмо, подготовляющее меня к двум подстрочным его выражениям по поводу Достоевского (Дневника), имеющим появиться при статье моей в Декабрьской книжке¹. Чуется мне в этом случае сильное влияние А. И. Кошелева².

С нетерпением жду завтрашней почты – со 2-м № «Руси».

Вам душевно преданный Ор. Миллер

(л. 14, 15, 14 об.)

[1881]

Многоуважаемый Иван Сергеевич. Если Страхов³ доставит Вам к сроку свою прекрасную статью, то передайте мою речь С. А. Юрьеву: она заменит ему то, что я хотел ему написать, но, благодаря студенческим дурачествам, не мог написать к сроку. Пришлю ему разве коротенький некролог. Вам же взамен университетской речи я в таком случае прислал бы мою вчерашнюю⁴. Если же первая напечатается у Вас, то вторая пойдет к Юрьеву, но, вероятно, уже в Апрельскую книжку.

На этих днях я пережил «Бесов» Достоевского. И это после его умилительных похорон! И тут и там – молодежь – разумеется, не одна и та же. Жутко становится по временам и мне. Вчера я старался высказаться с полной откровенностью – под сенью Достоевского – в огромной зале думы, переполненной публикой. Страхова статья, повторю, была превосходна. Хороши были и воспоминания Майкова⁵.

Какое чудное письмо Достоевского Вы напечатали! Хоть бы вручила их наконец его память!

Весь Ваш

Ор. Миллер

15 Февраля

(л. 16, 17)

---

¹ Миллер О. Ф. Пушкинский вопрос // Русская мысль. 1880. Декабрь.

² Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – общественный деятель и публицист славянофильского направления.

³ Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист и литературный критик.

⁴ Еще надо восстановить на бумаге по памяти (*Примечание О. Ф. Миллера*).

⁵ Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт и переводчик. Миллер упоминает «Речь памяти Достоевского» А. Н. Майкова.

Любезнейший Иван Сергеевич!

Благодарю Вас за ответ на мое, как Вы выразились, требовательное письмо. Оно было внушено мне именно заботой о «деле», а не об утешении для наших бездеятельных «либералов». Кажется, я давно уже пишу именно в том духе, при котором не имеют цены «побрякушки». Не в них и дело, а в «деле», но потому то и следует всеми мерами содействовать последнему. Думаю, что Н. Г. Игнатъев¹ всего способнее принимает к сведению всякий прямой русский голос. Пусть же и раздастся он смело и неустанно – под покровом Константина Сергеевича, Хомякова и Юрия Самарина².

Собираюсь писать об «интеллигенции» (по поводу статей Гольцева³, при всем своем либерализме «заподтевшего в западничестве»: выражение из записной книжки Достоевского, выдержки из которой буду читать 11 Мая⁴) и о Старообрядцах в «Мертвом Доме» (с посвящением К. П. Победоносцеву⁵, на которого, кажется, при всей короткости знакомства, дух Достоевского вовсе не воздействовал). Напечатано в «Новом Времени»⁶. Вы его читаете и увидите, что я вовсе не озабочен «консоляцией» – хоть бы А. Д. Градовского, действительно повесившего нас. Но как бы всем его не повесить и не опустить руки. Вам преданный Ор. Миллер.

(л. 18, 19)

---

¹ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, генерал, посол в Константинополе (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882).

² Аксаков Константин Сергеевич, Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, поэт, публицист, богослов, философ, один из лидеров славянофилов. Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – философ, общественный деятель и публицист славянофильского направления.

³ Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – публицист, литературный критик и общественный деятель; приват-доцент Московского университета, редактор «Юридического вестника», «Русского курьера» и «Русской мысли», сотрудник «Русских ведомостей».

⁴ Миллер О. Ф. Речь о Достоевском (на основании его записной книжки) // Новое время. 1881. № 1882.

⁵ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода.

⁶ «Новое время» – газета, издававшаяся в Петербурге с 1868 по 1917 г. Вероятно, О. Ф. Миллер имеет в виду статью «Раскол и церковь», напечатанную в газете «Новое время» (1881. № 1977).

Мне кажется, что не я, а Вы, любезный Иван Сергеевич *обобщаете*, т. е. «взваливаете на все сословия» те «сравнительно немногие» *заслуги*, которые я и не думал оспаривать у Новиковых, Радищевых, Хомяковых, Аксаковых и Самариных. Знаю, что среднего дворянства у нас масса, в которой тонет наша новая знать, но полагаю, что в этой массе точно также тонет горсточка только что поименованных славных людей.

Вы рассказываете о крестьянах Ю. Ф.¹, волю которого свято исполнил Д. Ф.² Ну, а другие поправили таким образом крестьянскую ошибку? Если Вы читали мою брошюру о Васильчикове³, то могли заметить в ней эпизод о наших крестьянах богатого помещика либерала. Тут речь идет об имении Станкевича⁴ в Воронежской губернии. Б. Н. Чичерин⁵, часто бывающий там летом, скажет Вам, думает ли помещик поправить ошибку крестьян. Впрочем, об этом имении знал я по чужому, хотя и несомненному для меня рассказу. Но я и сам совсем не так *практически* несведущ, как Вы думаете. Я вырос под впечатлением крепостного права, помню все то, что пришлось слушаться от бар при освобождении крестьян, помню и те речи в Москве, которые слушал я вместе с вами из уст Н. Безобразова⁶ да и до

¹ Речь идет о Юрии Федоровиче Самарине.

² Самарин Дмитрий Федорович (1827–1901) – деятель земского движения и публицист. Младший брат Ю. Ф. Самарина и издатель его сочинений.

³ Кн. Васильчикову Миллер посвятил несколько статей: Князь Васильчиков (Очерк вестно некролога) // Исторический вестник. 1881. Декабрь; Речь в Славянском Обществе 14 февраля (На основании рукописи кн. Васильчикова) // Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве). По протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868–1883 гг. – СПб., 1883; Князь Васильчиков и его биограф // Мысль. 1882. Октябрь и ноябрь.

князь Александр Илларионович Васильчиков (1818–1881) – общественный деятель и писатель славянофильского направления. Выступал с критикой реформы образования, проводимой министром графом Д. А. Толстым. Активный сторонник земского самоуправления.

⁴ Станкевич Александр Владимирович (1821–1912) – писатель, биограф и издатель трудов Т. Н. Грановского. Младший брат организатора одного из философских кружков в Москве Николая Владимировича Станкевича (1813–1840). Имение А. В. Станкевича Курлак находилось в Боровском уезде Воронежской губернии.

⁵ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – историк, правовед и философ-гегельянец.

⁶ Безобразов Николай Александрович (1816–1867) – юрист, сторонник сохранения прав дворянства в земском управлении. Автор брошюр «Обсуждение вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян» (1858), «Об усовершенствовании узаконений, касаю-

сих пор слушаю не мало такого, от всякой родни – не немецкой, а русской, со стороны моей тетушки¹. Приходилось даже после 1-го Марта² слышать барские речи такого рода, что удивляюсь, как при моей горячности, рука у меня не поднялась... Тот же *барский* голос слышится мне во многих произведениях нашей заграничной, подпольной, т. е. *радикальной* печати (например, в брошюре Алисова³ о 1-м Марта). Я даже собирался написать об этом статью – но лучше отложить попечение. Может быть это мой *пункт помешательства*, но такой, какой предполагался Герценом⁴ у всякого мыслящего человека. Приходилось мне и в последние годы гостить по деревням у родных, и притом приходилось дивиться *дешевизне* прислуги (наприм[ер] 3 р. в месяц прачке у господ, ежедневно меняющих летом все белье – и это не в какой-нибудь страшной глуши, а в Тамбовской губернии). Знаю я и примеры до сих пор сохраняющихся патриархальных отношений бывших крестьян к добрым помещикам (вроде указываемого Вами). Самому мне еще недавно пришлось писать бывшим крестьянам моей тетушки в ответ на их письмо, в котором они, соскучившись без вестей от нас, просили уведомить их наконец, как ее поминать – по прежнему ли за здравие, или за упокой. Конечно, это свидетельствует о человечности не только крестьян, но и народности русской вообще. Но не Вам бы, Иван Сергеевич, забывать, что мы испытали прививку культурной *гуманности* XVIII ст. и что большинство нашего образованнейшего сословия перестало быть русским (так, что приходится удивляться, откуда взялся Радищев, которого только Пыпины могут объяснять тем, что он «просто начитался Руссо!»). Вот этой то культурной гуманностью был испорчен Карамзин – и я никогда не мог понять, как можно говорить о *славянофильстве* его Записки о древней и новой России? Увы! дух этого «славянофила» с его советом Го-

---

щихся до вотчинных прав дворянства» (1858); «Две записки по вотчинному вопросу с предисловием и общим заключением (1859); «По вотчинному вопросу – мнение и развязка» (1860), «Предложения дворянству» (1860), «О свободном труде при поместном устройстве» (1863).

¹ И Безобразовы ее родственники (*Примечание О.Ф. Миллера*).

² 1 марта 1881 г. был убит император Александр II.

³ Возможно речь идет о Михаиле Ивановиче Алисове (ок. 1830–1898) – изобретателе пишущей машины и множительного аппарата «Полиграфия», который использовался русскими революционерами для распространения прокламаций.

⁴ Герцен Александр Иванович (1812–1870) – философ, писатель, публицист, революционер.

сударю надевать по временам *дворянский мундир* ожил в наши дни – к великому удовольствию Страстного бульвара¹, а котором я действительно не могу говорить без ненависти. Да, я ненавижу эту *лжена-родность* и давно бы хотелось слышать с Вашей стороны решительное обличение ее, обличение не *дискантом*, а *басом* (мне вспоминается рассказ про Вас А. Ф. Гильфердинга² – Вашим *старым басом* (хорошее выражение для того, что Вы теперь называете *пеною у рта*)[]). Грустно мне не то, что я осужден жить в чухонских болотах – не так живи, как хочется! – грустно, что гнилой запах этих чухонских болот (с примесью культурного эсь-букета) занесен к Вам – и совсем уж некстати. Не этот ли тлетворный дух сказался в особом почете Вашему предводителю дворянства после его дала с крестьянами. Скажут, что адвокаты его очернили (как в Петербурге Спасович³ в деле Вакселя очернил крестьян); – ну а крестьяне гр. Бобринского⁴, переселяющиеся в Сибирь – не от благодатного же, надо думать, житья или не от любви к путешествиям поднялись с насиженных своих мест! И что же? московские крестьяне должны будут за одно с дворянами слушаться *своего предводителя*! Будет это противодействовать пропаганде, или, напротив, поможет ей?

Я не думаю на Вас *гневаться* – как Вы выразились, Иван Сергеевич. Но мне грустно, – грустно в сознании своего сиротства, своего одиночества. Нравственно *ни кола, ни двора* – не к кому пристроиться. Засяду же окончательно за биографию Достоевского и за ним отведу душу. Вот, кто любил народ – а демагогом не был.

И мне невольно вспоминаются Ваши слова из старого письма ко мне. Вы тогда выкинули из какой-то моей статьи какие-то мои слова про Каткова⁵, но вот почему: «не хочу давать повода думать, что на-

---

¹ «Публицистом Страстного бульвара» О.Ф. Миллер называл М.Н. Каткова. На Страстном бульваре в Москве находилась типография Московского университета, где печатался издания М.Н. Каткова.

² Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – фольклорист, деятель славянофильского движения, первый председатель Санкт-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета. Член-корреспондент Петербургской Академии наук.

³ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) – юрист, публицист, общественный деятель, историк польской литературы.

⁴ Бобринский Александр Алексеевич (1823–1903) – граф, обер-гофмейстер. Крупный землевладелец.

⁵ Катков Михаил Никифорович (1817–1887) – публицист, издатель и литературный критик.

мерен свести его с пьедестала, на котором пусть себе стоит на здоровье, если только может поздоровиться от похвал английского клуба и пьяных крепостников». Так Вы охарактеризовали его уже тогда – и не ошиблись. Но оставлять его стоять на здоровье теперь уж совсем не следует. Ведь имя ему *легион!*

Жаль, если в конце концов Вы просто вернете статью Бороздина¹.

Простите, и сами на меня не гневайтесь.

Ваш Ор. Миллер

Ваших поздравлений, относительно Розенгеймовской строфы я совсем не понимаю. Что же касается меня, то я конституционалистами выставляю именно *крепостников*.

(л. 20, 21, 20 об., 22, 23, 22 об., 23 об.)

СПб. 8 Ноября 1884 г.

3 линия Вас[ильевского] О[строва] д. 18, кв. 16

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Посылая Вам под бандеролью оттиски моей статьи о церкви и Византийстве (из Киевской Старины²), письмом же позволяю себе обратить внимание Ваше на посланную Вам с месяц тому назад статью студ[ента] Дух[овной] Ак[адемии] Храповицкого³ о веротерпимости. По отзыву наших студентов, она очень горяча, а так как и сам юноша горяч, то ему и не втерпежь узнать про участь своего задушевного слова. За Ваши статьи о Скверницеях, Киевских беспорядках и возврате правительства большое и сердечное Вам спасибо – даже и от Градовского. Но неужели Вы еще верите в *искренность* Каткова?

Скоро пришлю Вам еще оттиски статьи об энциклопедистах и Екатерине II (читана на акте Высших женских курсов).

Вам душевно преданный Ор. Миллер

---

¹ Возможно, речь идет об Александре Корнеевиче Бороздине (1863–1918) – историк русской литературы, приват-доценте Петербургского университета.

² Статья О. Ф. Миллера «Церковь и Византийство» была опубликована в «Киевской старине» (1884. Т. 10. Ноябрь).

³ Вероятно, речь идет об Алексее Павловиче Храповицком (1863–1936), впоследствии митрополите Киевском и Галицком Антонии, председателе Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей.

Во главе письма найдете мой новый адрес – следствие того, что я стал теперь *одинок*, 12 Сент[ября] схоронил ту, кто заменила мне мать и кому я обязан тем, что стал русским¹.

(л. 24, 25)

1885 [1880?]

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Мне не пришлось даже проститься с Вами у Ламанского – ради позднего времени и предложения М.В. Полякова сбежать незаметно вместе с ним. А в кармане были у меня оттиски статьи моей из Филлол[огического] Вестника², которые хотелось Вам навязать. Вышлю их по почте.

Зная, что Вы собирались прочесть статью, укажу Вам на существенную опечатку в конце ее, происшедшую, надо думать, от умничанья того, кто правил последнюю корректуру.

Напечатано: «Полная замкнутость и народная исключительность, столь противная началам периода Киевского, едва *не* насквозь прохватила всю Русь и в Московский период ее истории».

Должно быть: «Полная замкнутость и т. д. едва *ли* насквозь прохватила всю Русь *и* в Московский период ее истории[»].

Поумничавший корректор не догадался однако исключить *и*, при сохранении которого фраза вышла даже безграмотною.

Вторая моя статья, высланная несколько поздно, отложена до Мартовской книжки.

Мое почтение Анне Федоровне.

Вам душевно преданный Ор. Миллер

P. S. Между нами: Ф. М. Достоевский написал от имени Славянского общества адрес Государю Императору. Ходатайствует о приятии.

(л. 26, 27)

---

¹ О. Ф. Миллер имеет ввиду свою тетьку Екатерину Николаевну Миллер (Чирикову).

² Вероятно, О. Ф. Миллер имеет ввиду свою статью «Новые домыслы учения о заимствованиях» (Филологический вестник. 1879. Кн. IV.).

Не могу удержаться, любезнейший Иван Сергеевич (хотя Вы, вероятно, на меня прогневались), чтобы не сказать Вам за «Р[усскую] Мысль»¹ с г. Головачевым² сердечное: спасибо! Но Вам, может быть, интересно будет узнать, что этот же седовласый ребенок (Головачев) и высказал мнение, что «наша единственная надежда на ходатайство за нас перед нашим правительством западных держав» – это в видах устранения у нас «реакции». Я, если помните, привел это образцовое мнение в статье моей, так и оставшейся ненапечатанною. А «Порядок»³, если припомните, обиделся Вашею «травлею» на диких «зверей», и Вам пришлось уличить эту газету в тупоумии и доходящем до принятия под свой высокий покров героев Малой Садовой. Не прав ли я был в моей «запальчивости»? Но она, чтобы быть беспристрастною, должна быть обращена в «обе стороны».

Кто такой этот С. Пр.?⁴ (уж не какой ли нибудь *старый профессор*?) И подобными шалопаями мысли считают нужным зажимать рты: ведь прошлое внутреннее обозрение было вырезано!

Жаль, что Вы не договорились и до экономической мудрости Головачева. Ведь он в ней приходит к осуждению Петра – т. е. к славянофильству. Вот и видно, что нет привычки справляться с народной мудростью: «не плюй в колодезь» не про него сказано!

Кстати – или не кстати, но уже заодно – тот Сазонович⁴, который был у Вас с моей карточкой (и за радушный прием которому мне давно бы пора Вас поблагодарить) прожил лето в деревне у Станкевича в Ворон[ежской] губ[ернии]. Крестьяне там все на *сиротском* наделе и бедствуют страшно, а Станкевич со своей цивилизованной и либеральной супругой и своими гостями из университетской интелли-

---

¹ «Русская мысль» – ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в Москве в 1880–1918 гг.

² Головачев Алексей Адрианович (1819–1903) – деятель земского движения, публицист.

³ «Порядок» – ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в 1881–1882 гг. в Петербурге М. М. Стасюлевичем.

⁴ Вероятно, речь идет об Иване Петровиче Сазоновиче (1855–1923) – исследователе славянской, византийской и скандинавской литератур, профессоре Варшавского университета, депутате II и III Государственной Думы.

генции¹ чуть ли не каждый день на глазах у этой нищеты заливают шампанским толки о конституции. А когда Станкевич заметил, что губернёр их старается ознакомиться с крестьянами, то думал его удержат предостережением: «ведь Вы можете от них заразиться сифилисом!»². Это ли не «рабовладельческое дворянство»?!

А вот и ещё хорошего человечка похоронили – И. Ф. Золотарева³! 1-го Ноября у нас поминальное заседание. Простите за почерк: рука дрожит от нервного состояния.

Вам душевно преданный

Ор. Миллер

(л. 28, 29, 28 об.)

«1875?»

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Мои молодые люди сами направляются через Москву. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы лично могли с ними познакомиться. Это будет, вероятно, дней через десять, так как одному из них отпуск ещё не вышел.

Не могу не коснуться опять, хотя вкратце, Гоголя. Если «дух святой» обитал в нем, то обитали, надо думать, в его гениальном даре, а на дар этот я и не думал произносить хулы, стало быть и не считаю себя причастным этому греху, который «не простится человеку». Вы сами указываете на разлад между *писателем* и *человеком*. *Писателя* в Гоголе я всегда любил и люблю; *человека*, по совести, не могу полюбить, – кроме самой последней поры, когда любовь невольно вызывается состраданием.

С нетерпением будем ждать Ваших воспоминаний о Гоголе. Желательно, чтобы моя *грешная* статья дала вообще толчок, и вызвала многих на воспоминания. Но боюсь, что Вы имели случай лично найдитесь под обаянием гениального человека, отнесетесь к нему несколько пристрастно. Что касается «попрошайничества», то я вижу его у Гого-

---

¹ В имени А. В. Станкевича Курлак в Воронежской губернии часто проводил летний отпуск историк, профессор Московского университета В. И. Герье, женатый на племяннице А. В. Станкевича.

² А сифилис он же у них и развел, призвал для усмирения «бунта» военную команду. (Примечание О. Ф. Миллера).

³ Золотарев Иван Федорович (1812–1881) – действительный статский советник, товарищ председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

ля по преимуществу в отношении к высочайшим особам. Друзья не тяготились, я знаю, постоянно его поддерживать, особенно такие с чистой душой, как Ваш покойный отец¹. Но посторонние глядели на дело несколько иначе. Мне пришлось познакомиться с одним почтенным старичком, который, нередко видал Гоголя у Сергея Тимофеевича, у Погодина² и др., и который, по его словам, выносил всегда самое тяжелое впечатление уже от одного того, как Гоголь себя держал... не сомневаюсь, что он постоянно нуждался; — но к чему же было вечно проживать в Риме? Мифу о том, что только «вне России можно писать о России», я, воля Ваша, не могу поверить... А воздух Малороссии едва ли хуже действовал на его здоровье.

Но простите еще раз, что я, очевидно, всюю этою продолжающею откровенностью грубо оскорбляю некоторые нежные струны в Вашей душе. Прошу Вас однако же прочесть мою третью статью в декабрьской «Старине»³ *sincira*; думаю, что она окончательно Вам докажет, что мною вовсе не управлял тот *пошлый либерализм*, в котором Вы было меня заподозрили.

Всюю душою Вам преданный и уважающий Вас

Ор. Миллер

29 ноября

(л. 30, 30 об., 31, 31 об.)

«1880»

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Посылаю Вам оттиск моего некролога дивного нашего Фрейгана⁴. Жаль мне очень, что не мог быть в Москве, но Вы уважаете семейные отношения, а потому и не осудите меня за это⁵. Долг своей перед Пушкиным постараюсь уплатить статьею по поводу всего об нем ска-

---

¹ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель, общественный деятель, литературный и театральный критик.

² Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, археолог и журналист, сын крепостного графа Строганова. Профессор Московского университета (1826–1844), академик (1841). Издавал журналы «Москвитянин» и «Московский вестник».

³ Миллер О.Ф. Гоголь в своих письмах // Русская старина. 1875. № 9, 10, 12.

⁴ Фрейганг Андрей Васильевич (1809–1880) — вице-адмирал, писатель. Некролог написанный О.Ф. Миллером был опубликован в журнале «Русская старина» (1880. Июль).

⁵ О. Ф. Миллер, как и Ф. М. Достоевский, был направлен Санкт-Петербургским славянским благотворительным комитетом в Москву на Пушкинский праздник, но из-за болезни тушки вынужден был отказаться от поездки.

занного «Итоги Пушкинского праздника»¹. Но мне придется не пощадить моего товарища Градовского: на гениальную речь Достоевского (как Вы выразились совершить *в меру*) отвечать такую казенно-либеральной размазней общих мест²!

Что за ужасающее известие о Скобелеве³! Но не выдумали ли иностранцы русского убийцу? Или это опять один из *пропагандистов*? Что им какое то Болгаре и почему не ограбить их ради своего «великого» дела? Убийство же ведь давно не грех! Поживем – увидим, а становится еще более жутко.

Вам душевно преданный

Ор. Миллер

Мое почтение Анне Федоровне.

P. S. Если угодно, пришлю Вам несколько оттисков моего «славянофильства»⁴ для раздачи по Вашему усмотрению.

Июля 9-го

Павловск, Лебединая, дача Писталькарен

(л. 32, 33)

---

¹ В 1880 г. О. Ф. Миллер напечатал в журнале «Русская мысль» статьи «Речь о Пушкине» (июнь) и «Пушкинский вопрос» (декабрь).

² С критикой Пушкинской речи Ф. М. Достоевского А. Д. Градовский выступил в статье «Мечты и действительность», опубликованной 25 июня 1880 г. в газете «Голос».

³ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1880) – генерал, участник завоевания Средней Азии и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁴ Вероятно речь идет о статье Миллера «Основы учения первоначальных славянофилов», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1880. Кн. 1, 3.).